

П.Куприянов

Тайна двух океанов

Тайна двух океанов (ненаучный отчет о посещении Чукотки).

Книга с этим интригующим названием когда-то давно оставила неизгладимый след в моей юной пионерской душе. Собственно, какая там была тайна, я уже, пожалуй, не вспомню, но приключения чуда советской науки и техники – подводной лодки «Пионер» захватывали. В каком-то смысле это было даже интереснее, чем «20 тысяч...» Жюль Верна с его «Наутилусом». По крайней мере, так мне тогда казалось, а перечитывать снова не хочу, чтоб не разрушить очередной воздушный замок из далекого детства.

Возможно, эта книга, а может быть кинофильм стали одними из первых звеньев той цепи высшего промысла, в результате которой я через полжизни оказался на Чукотке, да еще и верхом на квадроцикле. Наверное, какая-то Аннушка пролила масло уже тогда...

Но в «Тайне двух океанов» ... были океаны, подводные лодки, а здесь сухопутные квадроциклы на краю земли. Какая связь? А связь длинная, сумбурная и сугубо ассоциативная. Тем не менее, рискну ознакомить с ней терпеливого читателя.

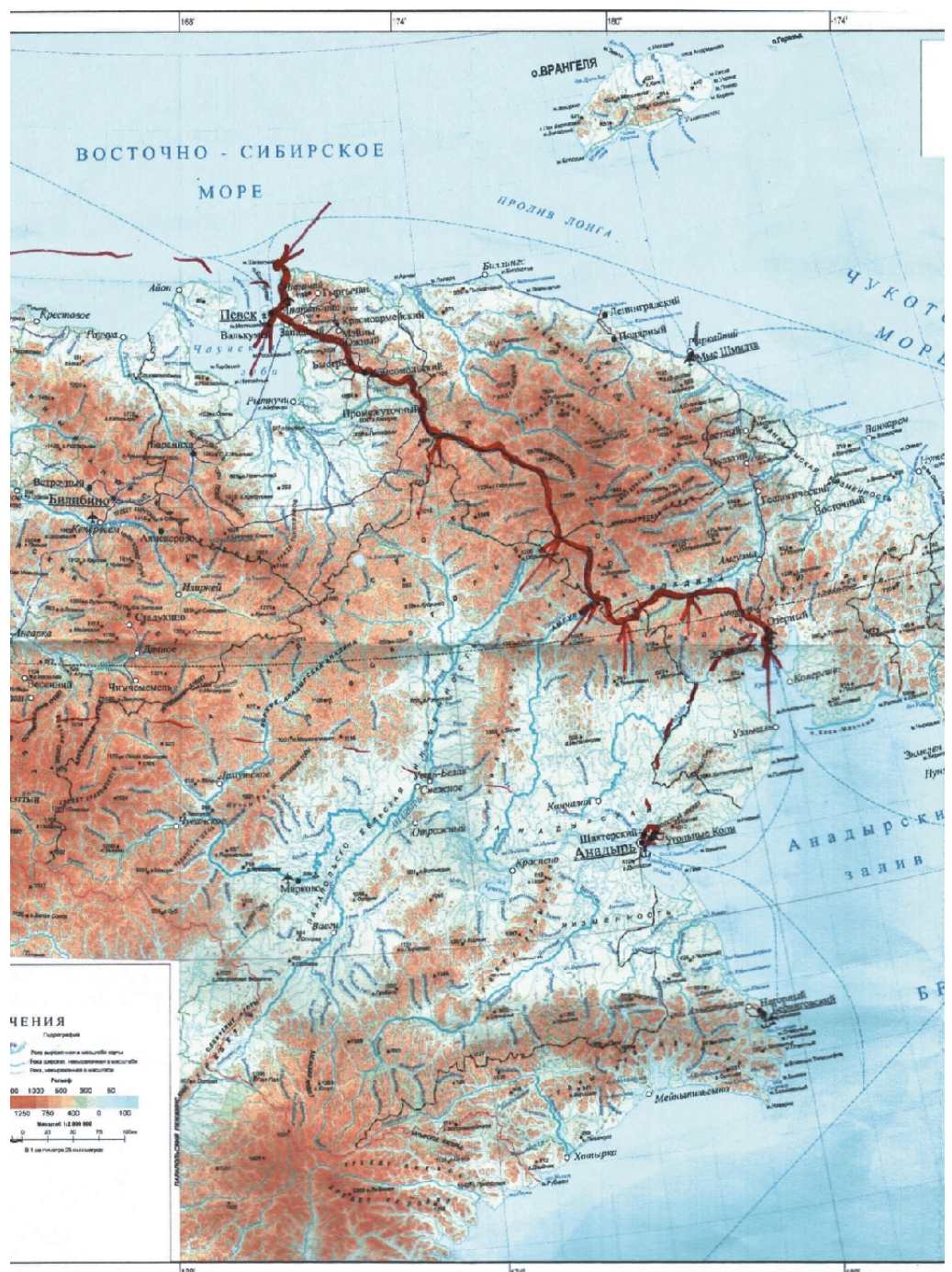
Во-первых. Чукотка географически расположена как раз между двумя океанами – Тихим и Северным Ледовитым. Она омывается их открытыми морями – на севере Восточно-Сибирским и Чукотским, а после Берингова пролива – одноименным же Беринговым морем. За проливом, как известно, бывшая наша Аляска.

Во-вторых, квадроцикл, хоть и не подводная лодка, но тоже, в своем роде чудо техники. Они это неоднократно доказали как по своему прямому назначению, так и в роли субмарины. Правда, чудо заморское, что мне, человеку технического, слегка обидно.

В-третьих, идеей путешествия мы обязаны ностальгии и детским воспоминаниям Геннадия Анатольевича, который жил на Чукотке почти с рождения до десяти лет.

Таким образом, тайна двух океанов - это Чукотка, которую мы познавали с помощью наших четырехколесных коней, вернувшись вместе с Генкой в его детство.

Итак, предмет и метод исследования определены. Актуальность несомненна. Впадение в детство - это всегда забавно снаружи, и интересно изнутри. С точки зрения методологии все как в научно - техническом труде. Введение почти готово, далее по порядку: теория, эксперимент и

обсуждение результатов. Поехали, коллеги...

Но прежде, чем перейти к сухой теории – небольшая преамбула.

Как я уже говорил, во всем виноват Генка. Наверное, даже не он, а его родители, которые увезли его на Чукотку совсем несмышленишем. Нечто подобное Киплинг описывал в известной истории про Маугли из «Книги джунглей». Там была идея, что где ты вырос – там и родина, там все хорошо, правильно, понятно и мило сердцу. Даже если это волчье логово в джунглях и тебя окружают дикие звери. Даже если лета нет вовсе, да и вообще ничего нет кроме тундры, океана и нужных стране полезных ископаемых.

Так вот, Генка вбил в голову сначала себе, а потом, за долгие годы нашего знакомства, и мне, что Чукотка – лучшее место на Земле. Со временем у меня выработался комплекс неполноценности по поводу длительного непосещения этого райского уголка нашей планеты. И когда Генка предложил сгонять ненадолго в Певек по делам, я был уже к этому морально готов.

Но просто так слетать туда-обратно – это не для нас и я попросил Генку поискать дорогу подлиннее. Он нашел два варианта. Первый – цивилизный: на корабле, вдоль побережья Чукотки, с заходом на остров Врангеля. Моржи, белые медведи, киты, льды, рыбалка, водка. Легкая арктическая экзотика в непосредственной близости от камбуза, бара и теплой каюты.

Второй вариант совершенно безумный – на квадроциклах через всю Чукотку от Анадыря до Певека. Обсуждение было недолгим, секунд восемь. Решили, что первый вариант нам пока не под силу по причине слабого здоровья – столько не выпить. Второй был ближе по духу, но останавливало то, что квадроциклы мы до сих пор видели только на картинке. Да и расстояние в тыщу верст без малого по незнакомой, сильно пересеченной местности заставляло задуматься. Думали минуты две и поняли, что без всестороннего теоретического исследования вопроса здесь не обойтись.

Теоретический раздел. (От начала подготовки до старта).

Сесть на квадроцикл для меня было принципиально важно. На велике я езжу, но лошадь – не для меня. Один раз в Гималаях так намаялся за полтора часа подъема верхом по горной тропе, что назад рванул без лошади, да так, что наши всадники меня догнали аж в нижнем поселке.

Недолго думая заказали двухчасовой квадроциклический тур и помесили последний снег где-то под Пушкино. Все страхи оказались напрасными – посадка удобная, машинка шустрая, проходимая, даже понравилось. Вспомнив, что уже не мальчики, обзавелись, для пущей важности, ортопедическими поддерживающими поясами.

Путевки и билеты куплены, неотвратимо надвигалось время старта, а определенности с составом не было. Оказалось, что найти желающих за приличные деньги (сравнимые с полновесным туром в Таиланд на двоих) трясти себя любимого по чукотской тундре на квадрике – не просто. Мы думали, что знаем, где брать таких людей. Но как раз в это-же время вся наша водно-походно-горнолыжная команда в полном составе улетала на Алтай штурмовать пороги высшей категории сложности. Кадровая проблема неожиданно обострилась, но зато разрешилась еще более неожиданно и приятно.

Из нашей прошлогодней Курильской команды откликнулся Женя Стрельченко с сыном Ильей, которого пришлось для этого забирать из летней английской школы. Откуда-то, что характерно, из Англии. Для Женьки махнуть Лондон - это не крюк. Илья подрос, возмужал и несмотря на свои ...надцать лет крайне редко допускал папку к управлению мощным двухместным квадриком.

За пару месяцев до поездки пронесся слух, что к нам в группу записалась какая-то барышня. До самого отъезда она оставалась инкогнито. Познакомились в аэропорту, на регистрации. Симпатичная стройная девушка интеллигентного вида по имени Аня. Она нас покорила сразу, не отказавшись от капелюшечки за знакомство. На вопрос о предпочтениях был получен достойный ответ без всякого жеманства: - «Я пью все».... Потом обнаружилось легкое лукавство – предпочитает она все-таки несвежие односолодовые дистилляты под названием «уиски», причем в умеренных количествах. В остальном никакого обмана, никаких скидок, все на равных, феминизм в своем лучшем проявлении

Володя Скворцов присоединился к нам последним. Время от времени между делом он спрашивал меня о ходе подготовки. Я что-то отвечал, сильно на него не рассчитывая. Потом он

как-то сказал, что, пожалуй, поедет. И поехал. Наш человек. Кремень. Володя по натуре исследователь и поставил эксперимент на себе – достаточно ли хорошо его личное снаряжение защищает от дождя, ветра, грязи и прочих неприятностей, сопутствующих передвижению на квадроцикле. Он единственный не воспользовался халловым ветрогрязезащитным костюмом. По внешним проявлениям эксперимент удался

– синий цвет его перекошенного от холода лица мало отличался от других. В конце путешествия на вопрос: «Ну как?» получил от него короткий ответ: «На пределе».

С Генкой все понятно. Он рвался на родину. Думаю, квадрик для него был даже лишний. Я тоже старался не отставать, все-таки женщины и дети, малодушничать стыдно.

Вот такая команда, которую взяли провести неблизким чукотским маршрутом два экстремальных гида – Максим и Серега. Макс – совсем молодой парень – ответственный, волевой, решительный, самоотверженный, даже слишком. Настоящий командир. Серега постарше, помудрее. Опять таки наш, луганский, земляк из Лисичанска, но давно уже живет в Анадыре. На наши постоянные вопросы: «Какие планы на завтра?», «Куда мы должны доехать?» ответ у Сереги был стандартный и, как выяснилось, единственно верный: «Там будет видно».

До нашей встречи в Эгвекиноте ребята уже

проделали маршрут до Певека и обратно с другими группами. Так как время тура жестко регламентируется расписанием самолетов из Певека и Анадыря в Москву, то времени на отдых и на ремонт техники у них практически не оставалось. И люди и техника подвымотались. Блеска в глазах у наших гидов не наблюдалось, один квадрик не заводился, другой перегревался, а половина колес исправно травила воздух через многочисленные заплатки. Да и вообще, одного квадрика не хватало. Он стоял с поломанной ступицей в полутыще верст от места старта на перевал-базе Осиновая.

Так же как ружье, висящее на стене в первом акте пьесы, стреляет в последнем, так и наш поломанный квадрик, в конце концов поехал. Но до этого надо еще дойти, а я и так тороплю события и не рассказал о некоторых фактах, важных для полноты изложения.

Успешно зарегистрировались в аэропорту Внуково и легально пронесли на борт в полном соответствии со 104-м приказом некоторое количество неопасной жидкости. Проще говоря, пятнадцать стограммовых пузырьков водки и коньяка у нас с собой было, что гарантировало хорошее пищеварение, крепкий сон и приятный полет.

Очень короткая ночь и наутро промежуточная посадка в Якутске для дозаправки (Володя, Гена, Аня, Женя и Илья в Якутске, а я на кнопке). В Анадыре ремонт полосы, большие самолеты аэропорт не принимает, поэтому пока летает маленький Боинг 737. От Якутска еще три часа над тундрой, бликующей солнечными зайчиками. Это вечная мерзлота, воде некуда уходить, она пропитывает весь оттаявший слой мха, грунта и стоит маленькими и большими озерами. Скоро мы рассмотрим поближе, как это чавкает, булькает и обдаёт грязью с головы до ног.

Вот, наконец, столица Чукотки - Анадырь. Современнейший аэропорт Угольные Копи. Фотографии и рисунки на стенах – отличная придумка. Лучшего места для популяризации работ местных художников самого разного жанра и возраста придумать сложно. Асфальт на вечной мерзлоте выглядит лучше, чем в Москве. Делают его, почему-то, югославы. Уголь в Угольных Копях копают открыто и прямо по транспортеру подают на причал. Оттуда же уходят частные паромчики на Анадырь. Эта другая сторона бухты. Сухопутного пути нет.

По дороге фотосессия белух. Их много, говорят, началась путина. Рыба идет в реки, а белухи жиреют. На причале обнаружили рыбаков и спугнули местных девчонок, которые делали вид, что загорают, правда, одетые и в очках. В Анадыре вообще все девчонки ходят в

солнцезащитных очках. Даже когда не так уж солнечно.

Нас встретила девушка Марина, конечно тоже в очках. Городок компактный, очень ухоженный, можно сказать красивый. Ничего похожего в России я не видел. Больше похоже на норвежский Киркенес, только чище и лучше.

Спасибо Роману Аркадьевичу. Если бы он захотел в президенты, у него есть сильный аргумент – Анадырь вчера и сегодня. Но, думаю, не захочет.

Прекрасная гостиница, номер с видом на бухту. Погуляли,

поужинали. Попытался уснуть. Получилось плохо. Генке тоже не спалось. Махнули по соточке снотворного. Не помогло. От нечего делать собрались и пошли в три часа ночи на

рыбалку, благо было совсем светло. На пристани снова встретили местных рыбаков, да и

рыба тоже была. По крайней мере, один самец нерки был выловлен на спиннинг методом забегивания, сфотографирован и отпущен.

Вернулись, собрались, разбудили наших, похвастались фотоуловом, позавтракали и выдвинулись в аэропорт в надежде улететь в Эгвекино. Надежды оправдались. Сотрудник авиационной безопасности даже позволил нам провезти спиртное и ножи в ручной клади. Багажа в Ан-24 не бывает.

Сорок минут и мы на точке старта, в заливе Креста, на котором стоит поселок Эгвекино. Место показалось не очень гостеприимным. Так, наверное, казалось и десяткам тысяч эсков, видевшим этот поселок один раз в жизни. Обратного пути у них не было.

Это, да и многое другое, нам рассказала в местном музее замечательная его хозяйка Татьяна Сергеевна. А, так как мы в некотором смысле тоже были как эски, т.е. не собирались сюда возвращаться, то нам

было предложено для гладкости нашей дороги сделать своими руками традиционный чукотский аксессуар – футляр для мобильного. Сначала я думал, что это шутка и работал спустя рукава. Глаза закрывались сами собой, сказывалась бессонная ночь. Но не тут – то было. Футляры с национальным орнаментом, символизирующим удачу в дороге, пошили все.

Еще до музея Максим, который встретил нас прямо в аэропорту, предложил прокатиться к Северному Полярному кругу и заодно испытать технику. Предложение было встречено с восторгом, который слегка приутих после напоминания нашего руководителя, что

пить за рулем нельзя. Даже на Чукотке.

В ходе ознакомительной поездки и выяснилось, что техника не вся в порядке, но остановить нас это не могло. После музея, ужина и ночевки в шикарных коттеджах, в отдельных спальнях, на двухспальных кроватях – дождливое утро, сборы и старт. Даешь Певек!

Экспериментальный раздел. (Эгвекиот – Певек).

Дождь в дорогу – говорят это хорошо. Не могу сказать, что дождь нас сильно порадовал утром 3-го августа на точке старта. Еще меньше нам начало нравиться, когда по мере

углубления в сопки дождь превращался то в туман, то в снег. Вокруг бесконечные

безжизненные скалы со снежниками и речки.

Снег, скалы,
речки, дождь,
туман... Снег, скалы,
речки, дождь, туман...

Через

несколько часов путешествия в такой не очень теплой бане мы вымокли совершенно. Особенно доставалось основному пальцу, то есть большому пальцу правой руки, которым необходимо было постоянно жать на газ, чтобы ехать. Он нещадно мерз, терял чувствительность, болел, как будто отваливался и упорно не желая выполнять свою основную

функцию. Все моральные и физические силы организма были направлены на обеспечение оттого очень простого действия.

Во время стоянок научился у Максима греть руки у выхлопной трубы. Он сказал, что через два – три дня с пальцем будет полегче. А дальше - совсем хорошо, в автомобиле газ ножной. Подошла Аня и попросила сильно сжать ее руки, она их совсем не чувствовала. Снял рукавицы и увидел две совершенно синие лапки. Как мог, растер. Наверное, очень сильно, а может быть она поборолась в себе минутную слабость. Больше не обращалась.

Замерзли все, как цуцики. Лица синего цвета, рты перекошены, губы не слушаются, а мокрое тело бьет крупная дрожь. И вот в таком состоянии мы подъезжаем к безымянной речке, на другом берегу которой стоят балки. Речка представляла собой мутный поток, в котором пролетали с огромной скоростью кусты, мох, куски берега и прочий мусор. А балки так близко.

Несколько позже я понял, что балки – это плохая примета. В беспроблемных местах их не ставят, незачем.

Поискали брод справа-слева. Бесплезно. Вернулись на основную дорогу и тут подошли два бензовоза, на которых переправились Аня с Ильей, Максим и один из двух привязанных квадриков плавом. Второй оторвался, но был пойман.

Начали перебрасывать веревку и перетащили на плаву еще один квадрик. Попытка перетащить таким образом квадрик с прицепом закончилась аварией.

Сначала оборвалась веревка, за которую тащили, а затем и страховочная веревка... И двухместный квадрик вместе с прицепом, в котором была вся горючка, поплыл по реке в сторону далекого океана. Но еще в пределах видимости он перевернулся и застрял на камнях.

Наши самоотверженные гиды спасали имущество часа полтора-два. Все это время они находились в ледяной воде по пояс, а выше пояса - на ледяном ветру. Если бы это не было их работой, то называлось бы геройством. Хотя в данном случае геройство было следствием излишней торопливости и плохого снаряжения.

В конце концов, прицеп и разбитый квадрик оказались на противоположном берегу. Спасибо, ребята.

Остальные квадрики и личный состав переправил «Урал», сделав ради нас две или три ходки с риском тоже уплыть. Вода доходила до середины капота. Со взаимовыручкой на Чукотке все хорошо.

В балках обнаружили нары, грязные матрацы, книгу Н.И.Бухарина «Этюды» 1932 года издания, печку и сырые дрова – это счастье. Переоделись, подсушились, Максим приготовил еду, а Генка достал красный стручковый перец - вырвиглаз. В результате заболеть безуспешно попытался только Илья, и то потому, что пил антибиотики. Остальные, после водки с перцем – как огурцы, несмотря на целый день, проведенный мокрыми на

ледяном ветру.

Утром 4-го увидели почти спокойную речку, ясное небо и ледяную корку на лужах. Вчерашний кошмар казался плохим сном, но утопленника оживить не удалось. До следующей намеченной точки нашего маршрута – прииска Валунистый утопленный квадрик ехал на буксире.

Всю дорогу не шла из головы книга Бухарина. Интересно, как она там очутилась, кто ее читал и с какими чувствами. Почему за долгие годы не сожгли. Все-таки удивительный у нас

народ. При случае тоже надо будет почитать, что писал этот «умник».

Непреодолимых препятствий мы не встретили. Погода хорошая, дорога идет в основном среди невысоких сопок и по долинам рек. Можно рассмотреть красоту. А красота тут какая-то своя, особенная. Отсутствие буйной растительности компенсируется разноцветными

сопками. Есть черные, морковно-красные, желтые, а также множество переходных оттенков. Местные называют эти места «золото Макены».

Окрестности прииска Валунистый ничем особенным не выделяются. Просто одну из сопку срыгают, везут, измельчают, чего-то с ней химичат и получается золотой и серебряный концентрат. Плавают это дело где-то в другом месте. Хотя в тонкости технологии я не вдавался и могу ошибаться.

Здесь мы оставили утопленника, предварительно сняв с него ступицу для ремонта той машины, что ждет нас на Осиновой. Хотя время до темноты еще есть и можно ехать дальше, Максим предложил переночевать здесь, в тепле и уюте.

Поселились в общежитии. Она представляет собой две трехэтажных хрущевки, пространство между которыми перекрыто холодной крышей. Наверное, это актуально зимой – хоть есть куда выйти погулять. Комната типа казармы. Аню поселили отдельно. Приняли душ, поужинали в столовке, соблюли сухой закон.

Столовка замечательная не только халявой. Несколько напитков, включая домашний квас, компот, молоко и т.п. Несколько салатов: - из баклажанов, грибов, овощей, чего-то еще. И это в условиях, когда привозится почти все. Первое, второе тоже с вариантами – мясо свое. Отъелись и спали как младенцы.

5-го утром вышли в сторону перевала – базы Осиновой. Потом нам Сергей признался, что больше всего он опасался именно этого участка. Тут самые широкие и неудобные для форсирования реки. Все так и оказалось. В первой же серьезной речке тонет Аня...

Все очень просто. Подъехали к речке с названием Валунистая. Вода высокая, течение сильное. Основной брод идет наискосок навстречу течению. Переправляться по нему, в этом направлении шансов нет. Максим находит более мелкий брод по шиверке чуть выше по течению. Но тут много больших валунов и, соответственно, оматов.

Тем не менее, решение принято, построились, приготовились. Первыми пошли Максим вдвоем с Сергеем на самом главном проходимце. Прошли с большим трудом. В критический момент Сергей спрыгнул и удержал квадрик от переворота. Мы понимаем, что шансов у остальных четырех машин не много. Две из них с прицепами, мой с низким воздухозаборником, ну и «Гризлик» бесстрашной Ани, которая, как потом выяснилось, не умеет плавать.

Максим махнул рукой, все поняли этот жест по-разному, но Аня рванулась на зов командира без страха и упрека. На наши крики и жесты она уже не реагировала. Конец был

легко предсказуем, ее снесло на камень и перевернуло. К счастью квадрик остался на плаву и спас свою хозяйку. К Ане кинулся Максим с того берега. Течением его едва не пронесло мимо Ани. Она ухватила его в последний момент. Вдвоем они перевернули квадрик и начали его понемногу сплавлять вниз по течению, пытаясь зачалить к берегу. Удалось им это едва-ли раньше, чем через полчаса, метров на триста ниже по течению.

Какое-то время мы не очень мужественно наблюдали это реалити-шоу. Я даже начал раздеваться, движимый чувством

солидарности с нашими промокшими гидами и Аней. Понимания не встретил и сам сообразил, что помощи с меня будет не много, а проблемы – возможны. Оделся снова, но в душе было как-то не очень.

Вытащили оставшиеся квадрики из речки на наш берег. Пришел с того берега Сергей, сказал, что потеряли кофр с насосом и ремкомплект для покрышек. Володя поехал вниз по течению на поиски. Сергей зачем-то ушел назад. Аня с Максимом сушились на том берегу, потом занялись оживлением квадрика.

Кофр, конечно, так и не нашли. У Сереги во время очередного перехода

свело ноги, пришлось его растереть снаружи и прогреть изнутри. Подъехал скрепер с трейлером, без лишних слов зарулил к погрузочному бугру, всех нас загрузил и перевез на ту сторону. Его зовут Серега. Он же нас еще и подкачал, насоса у нас уже нет. Спасибо тебе, Серега!

Пока мастерили обед, Максим закончил с квадриком и рванули дальше. Мы уже сильно отстаем от графика и километры надо съедать по максимуму. Но через небольшое расстояние следующая

непроходимая речка. Сергей здесь уже плавал неделю назад. Говорит – вода пахнет рыбой. Так и было. Мы мудро дождались техники и я, переправившись в первой партии на синем «Урале» своего тезки – Пашки из Билибино, поймал двоих хариусов. А Пашка сделал и вторую ходку – вот это мужик

Прем дальше и ночуем у очередной речки. Палатки ставим в сумерках. Ужин, малосольный хариус, водка, почти сухой спальник – жизнь снова прекрасна.

Утром 6-го переправились через речку сами. Сергей разведал, а Максим провел нас блестяще. Мастерство растет. Рвемся к Солдатскому перевалу. Подкачиваемся у встречных машин, пока везет.

Перевал всего 700 – 800 метров. Жутковатое место. Кругом следы свежес выпавшего снега, скалы, каменные осыпи и ни одной травинки.

Перед перевалом встретили красавца оленя, а после - медведицу с пестунами. Олень гордо позировал, а медведи рванули от нас через небольшую сопку и мгновенно ушли в точку. Удивительные звери, а на первый взгляд такие уральни.

Наконец-то перевал – база Осиновая, ее хозяин Серега – рыжий. Тоже земляк – из Трехизбянки. У него полугодовая вахта, в течение которой на базе круглосуточно должен быть горячий суп и чай. Заодно он дизелист, радист и охранник. База - это три балка: кухня –

Столовая, ночлежка и ДЭСка. Конечно, есть баня и почти теплый сортир. На базе вместе с Серегой живут евражки по имени Васьки, которых он научил гавкать. Недалеко живет мишка, харчуетса он, понятное дело, тоже у Сереги.

На базе, кроме нас много народу – три или четыре водителя транзитных грузовиков. Кто-то ремонтируется, кто-то отдыхает. Мы соблюдаем сухой закон. Не уверен, что это делают и остальные, но в целом все очень прилично.

У нас есть полдня времени – мы заправляемся, ремонтируемся. Квадрик ребята восстановили. Я развел мыло и проверил колеса - дырка на дырке, лучше бы не знать. Самые одиозные, где палец пролазит, наш Серега забил жгутами. На остальные махнул рукой – будем качать. Чем?... Не уточнил.

Проснулись рано, умылись, поели того-же супа. Уже 8-е августа, воскресенье, а самолет 12-го. Об этом уже приходится думать. У нас буквально по Высоцкому – назад пятьсот, пятьсот вперед. Такими темпами, с учетом дырявых колес, на самолет мы не попадаем.

Но долой сомнения. Рев моторов. Старт . Вперед к Ледовитому Океану ...

Верст через двадцать, в речке Большой Осиновой сдутая покрывка с колеса одной из телег слетела вовсе.

Смонтировать дело привычное, но чем качать??? Курим бамбук, ждем машину, долго ждем... В воскресенье они редко ездят даже на Чукотке, а в тот день первый грузовик мы увидели к вечеру, проехав ему навстречу верст 150.

Каким образом? - спросит читатель. Отвечу – русским народным способом. Способ основан на особой, гениальной находчивости и изворотливости ума русского человека в критических обстоятельствах. Эта особая сторона «загадочной русской души» уже давно описана классиками – Николаем Лесковым, Александром Твардовским и Леонидом Филатовым. Добавить к этому кажется, что нечего, а все же...

Пока я догонял с печальной вестью основную группу, а затем безуспешно мотался к геологам за насосом, которого у них быть не могло никак, на Серегу снизошло озарение. Он попробовал качать колеса от выхлопной трубы, благо шланг у него в хозяйстве был. Получилось.

Со временем процедура была доведена до совершенства. Накачка колеса занимала секунд пятнадцать, как на пит-стопе «Формулы-1». Один человек держит обмотанный перчаткой шланг у выхлопной трубы. Второй – у колеса. Третий держит предварительно вывернутый золотник, чтобы его быстро закрутить, а четвертый жмет на газ. Р-р-р-р-р-р-р-пух ш-ш-ш и все, колесо накачено.

Гениальность Серегиного изобретения состояла в том, что оно было как нельзя к месту. Сейчас даже не хочется предполагать, что бы мы делали без него. Впоследствии, на Комсомольском, мы с Генкой с помощью универсального мыла сделали усовершенствованное приспособление из трех разнокалиберных шлангов, которое можно было уже не держать у раскаленной трубы, оно там плотно сидело. Приобщились, так сказать. Но это потом, туда еще ехать и ехать.

И мы, наконец, поехали. Мелькали верстовые столбы, менялись пейзажи, реки сменяли сопки и наоборот. Попалось огромное стадо оленей, чуть позже увидели их хозяев – настоящих

чукчей, правда, в вагончиках, а не в чумах.

Мы с Володей нашли себе приключение. В одной из речек сели на камни. Речка была, в общем,

проходимая. Макс нашел брод. Слева глубина, справа камни и довольно сильное течение. Надо было пройти по бровочке. Все переправились. Остался Володя с прицепом, и я с камерой на лбу, так, что все удалось снять.

Володя пошел, я за ним. В какой-то момент, испугавшись глубины, я сделал неуправляемое движение рулем вправо. Этого оказалось достаточно, чтобы вылететь на камни. Они оказались

крупные. Я чуть не перевернулся, как-то удержался и догреб уже почти до берега. Думал, выскочу, но сел брюхом на большой подводный валун и засел намертво. Движок работает, колеса крутятся, а толку чуть. Ни в раскачку, никак. Огляделся. Володя тоже сидит в

полуперевернутом положении чуть выше по течению.

Максим потом отметил блестящую организацию спасательной операции. Без суеты, спокойно сняли нас с камней лебедками. Свободный народ занимался фотовидеосъемкой. В конце концов, ноги оказались мокрые только у нас двоих. Хорошо, что только ноги. Мастерство растет.

Ехать еще далеко и долго, а мой квадрик после купания в речке

забарахлил и едет чуть быстрее пешехода. Зато у меня есть возможность рассматривать красоты. Сопки уже, а может быть еще, в снегу. Снега не очень много, приблизительно как в

Альпах в малоснежную зиму. Но на чужих лыжах съехать было бы можно.

На гидрометеостанцию Глубокая я прибыл последним уже в сумерках. Вечерняя рыбалка на арктического гольца после проделанных километров не прельщала. Договорились на утро, но тоже не срослось. Жили в замечательном сарае Гены – водомута вместе с сотнями совершенно необходимых вещей, развешанных на гвоздях, гвоздиках, крючочках, проволочках буквально везде. Весь этот гениальный беспорядок, а быть может безумный порядок, мы тщательно соблюдали, что было совсем не просто. Найти место, откуда случайно упала какая-

нибудь загогулина, можно было, только методом дедукции после легкого алкогольного просветления мозгов.

А Гена-водомут застрял где-то в дороге и с ним мы так и не встретились, хоть «беседа с метеорологом» была записана отдельным пунктом нашей программы. Наверное, было бы интересно.

Солнечное утро 9-го августа дарило нам надежду на легкое и беспроблемное окончание нашего пути в

Певек. Расстояние, конечно большое, но непроходимых речек не предвидится, сдутых колес мы уже не боимся, да и вообще через тридцать верст - автострада Билибино – Певек. Вперед и с песней.

Поначалу все так и было. Автострада, конечно, мало отличалась от проселочного грейдера, разве, что ямы побольше. Но красивый

новый мост через Великую Чукотскую реку Паляваам мы увидели. Мой квадрик, наконец, прочихался и поехал. Дальше перевалы, прииски Майский, Комсомольский и прямая дорога на Певек .

Температура на Комсомольском еще была положительная, около пяти градусов. Дальше погода резко испортилась, чувствуется дыхание раскинувшегося где-то впереди Ледовитого океана.

Началась какая-то снежно-туманно-дождливая морось. Пообедали на заброшенном прииске Быстрый, в чьем-то пустующем доме. Настроения это не добавило. Как-то без хозяев неудобно быть в гостях.

До Певека меньше сотни верст. Дождь, ветер, очень холодно. Испытываю большие проблемы с основным пальцем. Через какое-то время я его просто перестал чувствовать. А состояние как-то улучшилось, вроде уже и не так холодно, вхожу в нирвану.

Все бы ничего, но тут на узком участке дороги навстречу попадается «Урал». Максим останавливается, чтоб его пропустить, Аня за ним, и я тоже притормаживаю ножным тормозом. Почти остановился, отпускаю тормоз – квадрик прыгает вперед. Расстояние еще есть, я торможу, он прыгает. Пока я замороженными мозгами пытался сообразить, что это за феномен, забодал Аню, потом Максима. После чего квадрик, наконец, заглох.

У меня просто свело правую руку, и я нажимал тормоз, не

отпуская газ. Как говорится, понять можно, простить нельзя. Максим мужественно перенес разбитую фару и слегка покореженный пластиковый обвес своего любимого мустанга. Только зачем-то пнул его, а не меня. Ну, ничего, Максим. Мне все равно было хуже, чем тебе.

Вот в таком миноре пришлось

заканчивать маршрут мне лично. До Певека погода, подстать моему настроению, так и не наладилась.

В Певеке встречали гайцы и человек в штатском, который спросил документы. Пока мы негнущимися руками пытались их достать из рюкзаков, Максим показал им какой-то главный документ и проезд был открыт. Далее гараж и теплая квартира. Встречал нас Юра по прозвищу хозяин озера Эльгыгытгын. Это звание он получил, когда его забыли на этом озере на несколько месяцев и он там жил на подножном и подводном корме в гармонии с

природой. Озеро по его словам замечательное – глубокое, чистое и абсолютно круглое. Это метеоритный кратер. Там водятся два уникальных вида рыб – одна большая, другая маленькая, названий не запомнил, такие вещи надо записывать сразу. В данный момент на озере сидели американцы, которых не могли забрать, т.к. вертолет накануне разбился.

До того, как мы поужинали и уgomонились, он нам рассказал еще массу полезных сведений из местной жизни. Завтра, 10-го августа, у нас дневка.

С утра Генка сделал то, ради чего все затевал. Он заказал в архиве справку, что его родители здесь работали и им положена соответствующая пенсия. Хороший сын, мама с папой будут довольны.

Затем мы поехали в его родной Валькумей. Это каких-то двенадцать километров от Певека.

Детский садик, школа, дом культуры, профилакторий, пищеблок, многоэтажные жилые дома – когда-то богатейший рабочий поселок, но... Все заброшено. Генкин дом недавно сгорел. Кучка мусора. Походили, погоревали. Сфотографировали для родителей, что получше уцелело. Генке, наверное, было не здорово, да и мне взгрустнулось.

На обратном пути закупили оленины и копченой кеты по цене в три раза дешевле вареной колбасы. Пока я колдовал над ужином, народ побежал в музей и в местный очаг культуры. И то и другое наших порадовало, особенно после того, как случайно спросили дорогу у местного, оказавшегося главным по культуре.

Ужин с чукотским колоритом тоже, говорят, удался. Завтра, 11-го, крайний день и прощальный выезд на самую северную точку Чукотки – мыс Шелагский.

Утро, солнце, хорошая погода. Рассмотрели на рейде атомный ледокол, кажется «Таймыр». Дорога лежит мимо аэропорта Апапельгино в чукотский национально-показательный поселок Янранай и дальше в тундру по следу вездехода. Янранай – поселок рыбаков и морских зверобоев, переводится как одинокая сопка. Все покрашено красиво. Из

интересного видели мишаловку – это такой небольшой гараж с падающей дверцей. Принцип общий, что для мыши, что для миши.

Езда по тундре – это нечто непередаваемое. Либо валуны, которые видно, либо такие же валуны, не видные подо мхом. Душу вытрясает мгновенно. Ровных участков нет вовсе. Под колесами до полуметра бурой жижи, в которой ровным слоем вымазаны и мы и квадрики. С борта авиалайнера это смотрелось гораздо дружелюбней и

живописней.

Несмотря на все усилия, дорогу на сам мыс найти не удалось. Искали сильно. Володя даже сподобился перевернуться. Хорошо, что без последствий.

Зато нашли разбитый военный самолет. Что-то типа «Дугласа», а может

более поздний, советский. Он был разбросан по склону. Внизу валялся искореженный винт и задняя часть фюзеляжа. Вверху Генка с Женькой обнаружили центроплан с остатками крыльев. Кабины практически не было.

Остановились на берегу рядом с рыбацкой хижинкой в бывшем поселке.

Пока Максим с Аней пытались пройти к мысу берегом, мы с Володей и с Генкой искупались в Ледовитом океане. Почувствовали себя моржами в их стихии. Ничего. Нормально. Правда, фотосессия получилась какой-то скоротечной. На обратном пути погода

испортилась и мы, несмотря на наличие навигатора, немного поблудили между сопками. В тумане они все на одно лицо.

В этот день мы провели за рулем около 13 часов, из них 3-4 часа прогулок и перекусов, а полтора часа приличной дороги. Остальные 8 часов уродовались по бездорожью

как ненормальные. Но нас уже просто так не возьмешь. Все как огурцы. Прощальный ужин, хорошие слова. Завтра самолет.

Утром Юра нам сообщил хорошую весть, что самолет летит, а заодно притащил кучу рыбы. Кета – так себе, а копченый голец – это песня. Завтрак, сборы и прощай Певек.

Аэропорт удивил

убогостью, это совсем не Анадырь. Самолет запаздывал с вылетом. Мы стояли в очереди на регистрацию и наблюдали за красивой сукой лабрадора - ретривера светлой масти, которая с поводком в зубах бегала и искала хозяина. Потом обнаружился и хозяин. Он периодически отлучался в буфет за пивом, так что ко времени вылета соображал уже не очень, но говорил много. Из его рассказа мы поняли, что большую собаку авиатранспортом можно перевозить только в клетке в багажном отсеке. Он взял с собой эту клетку, но быстрее залезет в нее сам, чем посадит туда свою Голди. Его состояние не давало нам надежды, что он договорится с начальником аэропорта и с командиром экипажа. А пса и впрямь было жалко. Более умной и преданной собаки я, пожалуй, за свою жизнь не видел.

Короче, мы с Генкой пошли к начальнице аэропорта и хотели начать ее уговаривать. Она нам и слова не дала сказать,

объяснила, что она все видит, у нее тоже есть сердце и экипаж уже почти согласен. Одна проблема в хозяине собаки, который на глазах становился все менее адекватным. Его тоже можно было понять: - он нам признался, что у него онкология, и летит он на материк в один конец. Думаю, он не шутил. Шутка у него была другая: – собаке не повезло с хозяином.

В итоге Голди и ее хозяин проходили регистрацию и контроль уже с нами. Собака на поводке, а хозяин под мышки. Причем Голди постоянно контролировала хозяина, держала его в поле зрения и ни в какую не давала себя увести дальше, чем на пять шагов. Самолет был полупустой. Мы устроились около аварийного выхода, где больше места для собаки. Хозяин тут же пошел в туалет, как выяснилось, покурить. А самолет еще на земле... Кто только тут не прибежал, чего только не говорили...

Его не сняли исключительно из-за собаки и благодаря нашему заступничеству. Сигареты я у него тут же забрал, и алкоголя он был лишен до конца полета. Конечно, это было сопряжено с пьяными обидами. Но, надо отдать должное, «спасибо» от него мы все-таки заработали. Потом, в Москве.

А собака, не издав ни звука, мужественно пролежала всю неблизкую дорогу без еды и питья около ног хозяина. Воду, которую беспрерывно таскали ей сердобольные стюардессы, она благородно вылакала только после посадки самолета. Хозяин объяснил: – она не знала, сколько ей предстоит терпеть, поэтому готовилась к худшему. Неужели, правда? Но в тот момент поверил.

Такая вот получилась чукотская история про собаку Голди. Это, собственно, и все. Легкий налет грусти всегда сопутствует расставанию.

Заключение (обсуждение результатов).

Почему-то считается, что если после похода хочется туда вернуться, то поход считается удачным. Не могу сказать, что во время обратного полета, сквозь дрему, под гул самолетных двигателей я грезил о возвращении на пронизывающий ветер или в ледяную воду Чукотки. При расставании во Внуковском аэропорту мысли о предстоящей встрече на традиционном капустнике уже слегка грели душу. А сейчас, по мере отдаления событий, в памяти всплывают какие-то новые штрихи, эмоции. В ходе многочисленных рассказов картинка в мозгу как-то

отшлифовалась. Минутные слабости, запредельные трудности и прочие неприятные воспоминания отфильтровались памятью и ушли под спуд. Осталось что-то труднообъяснимое – зов стихии.

Летчиков зовет небо, альпинистов и горнолыжников – горы, моряков, соответственно – море. Север тоже зовет тех, кто к нему хоть немножечко прикоснулся. Пускай даже летом. Пускай даже на квадроцикле. Северный зов я впервые почувствовал еще студентом. Это случилось после пересечения полярного круга при поездке на военно-морские сборы. А были эти сборы на известном из песни полуострове Рыбачий – северо-западном форпосте нашей, тогда великой Родины.

Вернулся я туда через много лет, уже слегка поседевшим и растолстевшим. Мы сплавлялись в те края из финской Лапландии на катамаранах. Правда, не совсем на Рыбачий. Но я его видел через Варангер-Фьерд со стороны Норвегии.

Если продолжать аналогии, то надо готовиться на Аляску. Говорят, оттуда наша Чукотка видна как на ладони. А как она оттуда выглядит?

Данный вопрос будет подвергнут всестороннему исследованию и доложен на очередном заседании ненаучного совета. Доклад состоится в бане и, возможно, будет совмещен с капустником. В случае утверждения указанного направления дальнейших исследований высоким полковым ненаучным советом – будем готовить экспедицию. Начнем немедленно, слезши с полка и слегка остудившись в пруду. Холодная голова в этом деле не помешает.

Продолжение следует.

Фрязино, осень 2011г.